

Р

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Владимир Головин

*«Над Курою
в ущелье балконном»*

**К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«НАД КУРОЮ
В УЩЕЛЬЕ
БАЛКОННОМ»

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Тбилиси
2016

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку - в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье - «Грузины», ныне - Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой - в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские - опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель -

Международный культурно-просветительский Союз

«Русский клуб»

Руководитель проекта -

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2016**

ISBN 978-9941-0-8537-6

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

«История – это опытное поле для борьбы добра и зла»... Эти слова, которые Осип Мандельштам часто повторял своей жене, вспоминаются на старой тбилисской улице, у дома-красавца под номером 13. Почему? Они имеют прямое отношение и к тому, чье имя носит улица, и к тому, кто построил этот дом, и к тем, кто обитал или бывал в нем. Перед тем, как встретиться здесь с Осипом Эмильевичем, давайте познакомимся с двумя замечательными людьми. Ведь место, связанное с их именами, стало символом самого длительного пребывания Мандельштама в столице Грузии.

Улица, некогда именовавшаяся Сергиевской, названа в память об Иванэ Мачабели – выдающемся литераторе и общественном деятеле, чьи переводы Шекспира и по сей день используются в репертуаре знаменитого Руставелевского театра. А его либретто к опере «Витязь в тигровой шкуре» было создано по личной просьбе русского

композитора Михаила Ипполитова-Иванова. В далеком 1898-м этот человек, сделавший немало добра для своей страны, ранним утром вышел из дома на чей-то зов и до сих пор считается без вести пропавшим.

Особняк же, под номером 13 по улице Мачабели, построен в 1903-1905 годах по проекту немецкого архитектора Карла Цаара специально для Давида Сараджишвили, о котором до сих пор ходят легенды. Тут можно вспомнить, что это место – одно из самых «литературных» в Тбилиси. В позапрошлом веке здесь был дом Прасковьи Ахвердовой, вдовы начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса. Ее девичья фамилия – Арсеньева, она – троюродная сестра матери Лермонтова. Естественно, Михаил Юрьевич бывал здесь, как, впрочем, и Яков Полонский, сосланные на Кавказ декабристы, «сливки» грузинской и русской интеллигенции – тут был блестящий салон. Ну, а Грибоедов именно в

**«Дом искусств»,
ныне Дом писателей Грузии**

доме Ахвердовой познакомился со своей будущей женой Ниной и сделал ей предложение. Отец юной красавицы, генерал-поэт, князь Александр Чавчавадзе снимал в этой усадьбе флигель, и Прасковья Ахвердова стала для Нины второй матерью...

А теперь – о Давиде Сараджишвили, дом для которого построен в столь примечательном месте в начале XX века. Давид Захарьевич вошел в историю не только как доктор философских и химических наук, создатель грузинского коньяка, предприниматель, поставщик двора Его Императорского Величества. Прежде всего, он был изве-

стен как благотворитель-меценат, сделавший массу добра. Тысячи простых людей со всех районов Грузии добирались в 1911 году до Тифлиса на его похороны, чтобы попрощаться с этим человеком. Но через двадцать семь лет зло сказало свое слово: останки филантропа и его жены «строители нового мира» выселили на городское кладбище из Дидубийского пантеона. Это почетное место захоронения должно было стать «идеологически выдержанным», и для «фабриканта» места там не было. Когда времена снова изменились, в 1995-м, тбилисцы, не забывшие легендарного земляка, перенесли его прах в самый центр своего го-

Иванэ Мачабели

Давид Сараджишвили

рода – во двор Кашуэтской церкви. Которая, кстати, была построена, в основном, на деньги Сараджишвили...

Особняк Давида Захарьевича стал одним из первых образцов модернизма в Тифлисе. Его фронтоны и консоли, гостиные и мансарда, кабинеты и спальни поражали не столько роскошью, сколько вкусом отделки. А еще был большой сад с источником (совсем в ином виде сохранившийся в наши дни). Не случайно, что именно этот особняк грузинская общественность

выбрала в 1914-м для организации приема Николая II во время его единственного кавказского «турне»... По завещанию Сараджишвили, дом отходил в вечное владение грузинских писателей. Оно и не удивительно – сколько и грузинских, и русских литераторов перебивало здесь! Но вот что мы прочтем в информации «Щедрый дар», опубликованной в газете «Русское слово» в июле 1911 года: «После панихиды вдова Сараджеева заявила городскому голове, что, по воле покойного, она приносит в дар городу роскошный особняк на Сергиевской улице со всей обстановкой... В доме Сараджеева собрано много картин кавказских художников. Ценность дара исчисляется в полмиллиона рублей».

Увы, «дар г-жи Сараджеевой» выразился в том, что дом она выставила на продажу. Однако добро все же торжествует: еще один фабрикант-меценат – Акакий Хоштария выкупает особняк и через несколько лет передает права на него писателям. У тех с 1917 года уже есть свой Союз, который, как утверждают грузинские литераторы, «является первым в Европе неправительственным творческим союзом, и вообще первой в Европе неправительственной организацией». В особняке на Сергиевской поселяются «Дом искусств», главный комитет Союза деятелей культуры, а позже – Союз писателей Грузии. Комендант у этого здания нестандартный – выдающийся поэт, создатель литературной груп-

Паоло Яшвили

пы грузинских символистов «Голубые роги» Паоло Яшвили.

Однако владеть таким зданием – еще не значит быть счастливым. Мог ли предположить сеявший добро Сараджишвили, что в завещанных им помещениях в злейших 1930-х годах будут строчиться доносы на соратников по перу, а собрания Союза писателей превратятся в позорные судилища, определяющие судьбы «идеологических противников», превращавшихся во «врагов народа»? Что именно в этих стенах Яшвили покончит с собой? И что уже в XXI веке грузинские литераторы несколько лет будут бороться с властями, решившими отобрать у них здание? Да, в итоге добро победило, но сведет ли это на нет все то зло, которое, как говорится, имело место быть?

И раз уж речь зашла о Паоло Яшвили, пора перейти к его другу, которого он принимал в знаменитом особняке в 1921 году, автора слов, с которых начата эта книга, – к Осипу Мандельштаму. В его-то судьбе зла хватало и, в конце концов, оно отняло у него жизнь. Но Тбилиси может гордиться тем, что особняк на одной из его улиц дарил великому поэту России только добро.

Ну, а теперь – о том, какими путями-дорогами Осип Эмильевич первый раз появился в Грузии, какое «опытное поле» дала ему судьба тогда, в 1919-20-х годах.

«Я УБЕЖАЛ К НЕРЕИДАМ НА ЧЕРНОЕ МОРЕ»

«Мандельштам всегда – всю свою жизнь – стремился на юг... Убеждал меня, что тяга на юг у него в крови. Он чувствовал себя пришельцем с юга, волею случая закинутым в холод и мрак северных широт... У О.М. было ощущение, что настоящее по-прежнему ощутимо на юге, и только на юге». Это слова жены поэта Надежды Яковлевны, сказанные в разное время. Именно на юг от Москвы он бежит в 1919 году, когда власти «взялись» за левых эсеров. Осип Эмильевич в молодости был близок к социалистам-революционерам, знал многих из них, а после октябрьского переворота вообще написал в эсеровской газете «Воля народа» стихотворение «Кассандра», уподобив революцию «безрукой победе»:

*И в декабре семнадцатого года
Все потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...
Но если эта жизнь – необходимость бреда
И корабельный лес – высокие дома,
Лети, безрукая победа –
Гиперборейская чума!*

В 1919-м этого вполне хватает, чтобы иметь большие неприятности, и, чтобы избежать их, Мандельштам в середине февраля отправляется по маршруту, который в предыдущие годы уже трижды приносил ему успокоение души: «Чужа грядущие казни, от рева событий мятежных/ Я убежал к nereидам на Черное море». Перед боготворимым им Крымом он пять месяцев проводит в Киеве. Видит там смены властей, белый и красный террор, испытывает голод и страх:

*Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.
Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.*

Надежда Хазина-Мандельштам

И он отправляется в заветный Крым, расставшись с девятнадцатилетней Надей Хазиной, с которой познакомился в Киеве и которая станет его большой любовью. Она не хочет уезжать, потому что «за порогом дома лилась кровь». А отъезд возлюбленного оправдывает: «Мандельштаму нужно было уехать из Киева, где его никто не знал, а он всегда привлекал к себе злобное внимание толпы и начальников любых цветов».

В Крыму он живет почти год – в Феодосии и в Коктебеле у знаменитого литератора и художника Максимилиана Волошина. Живет не очень хорошо, в Феодосии ему помогает поддержка местной интеллигенции и купцов. Пристанище находит и у

начальника порта, и у сердобольной старушки, и у художника с пышным псевдонимом «Мазэса да Винчи», и даже у белого офицера Цыгальского, который пишет стихи. Какая-то литературная жизнь в городе все же есть, и Мандельштам участвует в поэтических вечерах, печатается в тамошних изданиях. Потом его задерживает какой-то сверхбдительный есаул, но освобождение приходит быстро – со стороны того самого полковника Цыгальского.

Намного серьезнее второй арест, уже после того, как Мандельштам успел поссориться в Коктебеле с Волошиным. Врангелевская контрраз-

Максимилиан Волошин

ведка заподозрила в поэте «большевистского шпиона». Почему? Время страшное, врага видят в любом, а Мандельштам, по словам писателя Эмилия Миндлина, «всем и всегда казался подозрителен, должно быть благодаря своему виду вызывающе гордого нищего». К тому же, по словам Ильи Эренбурга, тогда тоже находившегося в Крыму, «какая-то женщина заявила, будто он пытал ее в Одессе». В итоге «пришлось глядеть на любимые, сухие, полынные холмы Феодосии, на киммерийское холмогорье из тюремного окна и гулять по выжженному дворику...»

Волошин, которого друзья убеждают, несмотря на ссору с Осипом Эмильевичем, помочь ему, говорил: «Мандельштам нелеп, как настоящий поэт». И это доказывается во время ареста. Мандельштам ломится в дверь камеры-одиночки: «Вы должны меня выпустить – я не создан для тюрьмы!», затем перебивает ведущего допрос следователя: «Скажите лучше, невинных вы выпускаете или нет?»... И снова Эренбург: «Волошин поехал в Феодосию, добился приема у начальника белой разведки, которому сказал: «По характеру вашей работы вы не обязаны быть осведомленным о русской поэзии. Я приехал, чтобы заявить, что арестованный вами Осип Мандельштам – большой поэт». Он помог Мандельштаму, а потом и мне выбраться из врангелевского Крыма. Он делал это не потому, что проникся идеями революции, нет, но он был человеком смелым, любил поэзию, любил Россию».

Брат поэта Александр Мандельштам

Поэта освобождают, но из Крыма высылают. Покинуть охваченный войной полуостров, чтобы добраться до Москвы, можно лишь морем, что Мандельштам и делает. Отправляется он с братом Александром, конечно же, снова на юг. А там – Грузия.

«ДАРЬЯЛЬСКИХ ГЛАЗ СТРУИЛСЯ НЕЖНЫЙ СВЕТ»

Грузия вошла в его жизнь, можно сказать, заочно. Еще в 1916-м он пишет три стихотворения, посвященные грузинским княжнам-красавицам, блиставшим в Санкт-Петербурге. Первое – «Камея», с такими словами:

Тинатин Джорджадзе с Сергеем Танеевым. В 1915 году она была сестрой милосердия

*...Но для чего, прекрасная грузинка,
Тревожить прах божественных
гробниц?*

*Еще одна пушистая снежинка
Растаяла на веере ресниц.*

*И кроткую вы наклонили шею.
Камей нет – нет римлянки, увы.
Я Тинотину смуглую жалею –
Девичий Рим на берегу Невы.*

Прекрасная грузинка – Тинатин Джорджадзе, вскоре по приезду в столицу империи сменившая светские салоны на... императорские приемы. Она выходит замуж за

Сергея Танеева, а тот – придворный церемониймейстер, очень близок к царской семье. Мало того, его отец – главноуправляющий Собственной Его Величества Николая II канцелярией. Но и это не все. Сестра Сергея Танеева – не кто иная, как Анна Вырубова, любимая подруга и доверенная фрейлина последней российской императрицы. Так что, грузинка, восхитившая Мандельштама, часто проводит время при дворе, а императрица не раз интересуется в письмах, «как там Сергей и Тина».

Покорять Петербург Тинатин приехала с двоюродной сестрой Саломеей Андроникашвили (Андрониковой), которой Мандельштам тоже посвящает стихи. Название одного из них – «Соломинка» – стало поэтическим прозвищем этой удивительной женщины:

Саломея Андроникашвили

*Когда, соломинка, не спишь
в огромной спальне
И ждешь, бессонная, чтоб,
важен и высок,
Спокойной тяжестью, –
что может быть печальней, –
На веки чуткие спустился потолок,*

*Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась
нежней,
Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей...*

А еще – «Мадригал», намекающий на семейную легенду о происхождении рода Андроникашвили от византийского императора.

*Дочь Андроника Комнена,
Византийской славы дочь!
Помоги мне в эту ночь
Солнце выручить из плена,
Помоги мне пышность тлена
Стройной песнью превозмочь,
Дочь Андроника Комнена,
Византийской славы дочь!*

Все столичные художники были без ума от этой хозяйки блестящего литературного салона. Ее портреты создали Кузьма Петров-Водкин и Савелий Сорин, Василий Шухаев и Константин Сомов, Сергей Чехонин и Зинаида Серебрякова, Александр Яковлев и Борис Григорьев... Она дружила с Мариной Цветаевой, а Анна Ахматова, подарившая ей свою знаменитую книгу «Четки» с надписью «В надежде на дружбу», запомнила ее такой:

*Как спорили тогда –
ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь
черные ресницы
Дарьяльских глаз
струился нежный свет.*

Жизнь наделила Саломею-Соломинку судьбой гораздо более бурной, чем у ее кузины. Она была замужем за чайным магнатом Павлом Андреевым, затем – за другом Александра Керенского, бывшим управляющим делами Временного правительства адвокатом Александром Гальперном. Семь лет жила в гражданском браке с поэтом Сергеем Рафаловичем. И уехала из Батуми во Францию с человеком, пред-

В.Шухаев. П-т С.Андроникашвили

ложившим прокатиться с ним в Париж «за шляпкой». Это был артист и писатель Зиновий Пешков – брат Якова Свердлова и приемный сын Максима Горького, ставший бригадным генералом-соратником де Голля, национальным героем Франции. Когда Саломея умерла в девятносто три года в 1982-м, английская «Таймс» назвала ее «последней из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии».

Через год после создания «Соломинки» и «Мадригала» Мандельштам снова встречается с красавицей-грузинкой – летом 1917 года, на ее даче в Алуште. Участвует там в сочинении на ее день рождения шуточной пьесы и даже играет одну из ролей. Больше они не виделись. Но Тинатин и Саломея оставляют в душе поэта такой след, что на крымском берегу, в Коктебеле, он грезит другим берегом Черного моря – грузинским, повторяя: «Золотое руно, где же ты, золотое руно?». В общем, для встречи поэта с Грузией, казалось, все было готово.

«БЕРЕГ УДИВИТЕЛЬНОЙ НЕЖНОСТИ»

Но между мечтами и реальностью, как известно, дистанция огромного размера. Мандельштам с братом ступают на землю Золотого руна через четыре года после этих грез, в сентябре 1920-го. В Грузии поэта хорошо знают не только по российским и украинским изданиям – в 1919-м, в шестом номере тифлисского журнала «Орион» появилась первая мандельштамовская публикация в Грузии – стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» Посвящено оно, кстати, другой знаменитой петербургской красавице Вере Судейкиной. С ней Мандельштам познакомился на алуштинской даче у Андроникашвили, и ее судьба тоже будет связана с Тбилиси... Однако такие поэтические детали не так уж и известны в батумском Особом отряде, призванном оберегать молодую грузинскую республику от врагов...

Еще когда «азовская скорлупа», на которой плыли братья, стояла на рейде, Батуми вызывает у Мандельштама почти что эйфорию: «Город казался расплавленным и раскаленным массой электрического света, словно гигантское казино, горящее электрическими дугами, светящий-

Таким Батуми выглядел с рейда. 1919

ся улей, где живет чужой и праздный народ. Это после облупленной полутемной Феодосии... Утром рассеялось наваждение казино, и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в стеклянном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия!»

Еще на сходнях молодые люди, похожие на «распорядителей благотворительных вечеров», отбирают паспорта: «Всегда успеете их получить, а нам так удобнее», но это не настораживает: «Без паспортов в Батуме было ничуть не плохо. Зачем паспорта в свободной стране?» Но когда на следующий день Мандельштамы отправляются забирать паспорта обратно, дело принимает неожиданный оборот. Поначалу ничто не предвещает осложнений. И на то,

что имена называемых им русских поэтов вызывают у чиновника лишь определенные, негативные ассоциации, Осип Эмильевич не обращает внимания:

«На самой чистенькой улице, где пахнет порядочностью, где остролистые тропические деревья стесняются, что они растут не в кадках, нас принял любезный комиссар и осведомился о наших намереньях. Мне показалось, что мы очаровали друг друга непринужденной искренностью и доброжелательством. Он вникал во все, беспокоился, не потеряюсь ли я без друзей в чужой стране. Я старался его успокоить – у меня есть в Грузии друзья: называю простодушно Сергея Городецкого – он очень обрадовался: как же, как же, мы его знаем, мы его недавно выслали из Грузии; называю еще одно имя, кажется, Рюрика Ивнева, – он опять радуется: оказывается, они его тоже знают и тоже выслали».

Тициан Табидзе

Потом приезжим говорят, что «осталась одна маленькая формальность – получить визу генерал-губернатора» и отправляют к этому важному лицу. На то, что у сопровождающего карман оттопырен пистолетом, братья тоже не обращают внимания – «мы шли навстречу неизвестности с чистым и невинным сердцем». Подозрения закрадываются лишь, когда к генерал-губернатору их заводят без очереди. При появлении поэта с братом вокруг генерала «тотчас забегали, закудахтали, залопотали люди неприятной наружности. И... все время повторялось одно понятное слово, сопровождаемое энергичным жестом и выпученными глазами: большевик, большевик». Разговор с высоким начальством короток: «Вам придется ехать обратно». – «Почему?» – «У нас хлеба мало». – «Но мы здесь не остаемся, мы едем в Москву». –

«Нет, нельзя – у нас такой порядок: раз вы приехали из Крыма, значит, и поезжайте в Крым».

Так Мандельштамы вместе с другими «подозрительными лицами» оказываются за решеткой, в бывшем торговом помещении с единственной камерой, где было «тесно, как в курятнике». О том, как они оказались на свободе, существует несколько версий.

Нина Табидзе утверждает, что Осипа и Александра вызволили поэты-голубороговцы – ее муж Тициан и Нико (Николоз) Мицишвили, сообщившие ей, что «в батумском карантине оказался приехавший из Крыма поэт Осип Мандельштам и надо как-то вызволить его оттуда». Вот некоторые подробности: «Место, где люди находились в карантине по случаю возможной эпидемии чумы, было обнесено проволокой, туда никого не пускали. Тициана пропустили, а я ждала его на улице. Он вышел оттуда очень взволнованный. Оказывается, когда ему показали на Мандельштама, он сперва не поверил, что этот поэт, этот эстет, сидит на камне, обросший, грязный. Тициан некоторое время не верил, что это и есть Мандельштам и даже стал задавать вопросы, на которые он один мог бы ответить. Например: «Какое ваше стихотворение было напечатано в таком-то году, в таком-то журнале». Тот назвал и даже прочитал свои стихи наизусть. Потом читал еще другие стихи. Тициан понял, что перед ним действительно Мандельштам...».

А это – воспоминания Мицишвили

Николоз Мицшвили

о том, как Мандельштам «приехал на маленьком пароходе в числе десяти каких-то сомнительных пассажиров», и «старшина местной еврейской общины» попросил помочь поэту, который «арестован и сидит в Особом отряде». Там голубороговцам сказали, что «среди арестованных на самом деле есть какой-то Мандельштам, но невозможно, чтоб этот был наш знакомый: такой уж он непоэтический на вид». Тициан и Нико, «усомнившись в правильности подхода к поэзии со стороны Особого отряда, отправились к генерал-губернатору Батумской области». Тот вызвал задержанного, «дипломатически выяснил, что он действительно поэт Мандельштам, и вежливо извинился».

Еще есть другие версии. Первая: голубороговцы отправились вызывать собрата на перу после того, как прочли в газете, что «двойной агент Осип Мандельштам» выдает себя за

поэта. Вторая: Мандельштам отвел к гражданскому губернатору, то ли к чрезвычайному комиссару Батуми конвойный солдат по фамилии Чигуа, сочувствовавший большевикам. Как бы то ни было, высокое начальство убеждается, что братья не являются агентами ни красных, ни белых, и 14 октября они выходят на свободу.

Мандельштам ничуть не обижается на столицу Аджарии за «негостеприимство». Доказательство – в газетах «Эхо Батума» и «Батумская жизнь». Там уже 16 и 18 сентября появляются сообщения о его вечере в местном Обществе деятелей искусства. В частности, можно прочесть: «Поэт О.Мандельштам выступил с чтением своих стихов в двух отделениях. Читка стихов у поэта очень своеобразна... И логические ударения, и значимость слов, и словесная инструментовка стиха – все приносится в жертву ритму. В этом, правда, своеобразии, но и значительная потеря красот собственной поэзии. Переполненная аудитория студии очень внимательно слушала поэта и наградила его аплодисментами». Организовал этот вечер Николай Макридин. Он не только инженер, но и искусствовед, акмеист, входивший в Санкт-Петербургский «Цех поэтов» вместе с Мандельштамом, Анной Ахматовой, Зинаидой Гиппиус, Владимиром Нарбутом, Михаилом Лозинским... В 1919-21 годах он читает лекции по истории искусств в батумском театре-студии.

После этого Мандельштамы уезжают в Тифлис.

Тифлис. 1919

«НЕ ТОЛЬКО ДУШЕВНЫЙ ОТДЫХ, НО И РОМАНТИКА»

Столица Грузии компенсирует гостям батумский прием на все сто процентов. Тициан и Паоло проявляют гостеприимство в таких масштабах, что, случайно встретив на Головинском проспекте растерявшихся в незнакомом городе Илью Эренбурга с женой и подругой, Мандельштам, ничтоже сумняшеся,

объявляет: «Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан...». А нескончаемые прогулки по Тифлису! Своими улочками, балконами, храмами, базарами, погребками, шумным людом он кажется городом из «Тысячи и одной ночи». Краткий перечень того, что особенно впечатляет, посмотрим у Эренбурга:

«У Паоло и Тициана денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей, выбирали самые знаменитые духаны, потчевали изысканными блюдами. Порой мы шли из одного духана в другой – обед переходил в ужин. Названия грузинских яств звучали, как строки стихов... Мы проверяли, какое вино лучше – телиани или кварели... Мы бродили по нескончаемому

Майдану... Мы побывали в серных банях... Мы попивали вино в Верийских садах; внизу нетерпеливая Кура играла с красными и желтыми огоньками, а на столе благоухали тархун и киндза... В древних храмах мы глядели на каменных цариц, к которым ласкались барсы. Мы восхищались в духанах картинами Пироманишвили, грузинского Руссо, художника-самоучки, который за шашлыки и вино расписывал стены погребков. Он был прост, патетичен, поражал умелой композицией и полнотой цвета».

Однако надо ли говорить, что одними духанами и прогулками в Тифлисе того времени для поэтов дело ограничиться не может? Творческая жизнь бьет ключом, дополнительный напор которому придают, говоря нынешним языком, звезды литературы, живописи, музыки, приехавшие из беспокойной и голодной России. И Мандельштам вместе с голубороговцами вполне естественно входит в эту жизнь на обе недели

своего пребывания. Вот – он на сцене консерватории, где проходит его совместный с Эренбургом вечер. А вступительное слово о новой русской поэзии там произносит замечательный писатель Григор Робакидзе, впоследствии, как и Мандельштам, запрещенный советской властью, но, в отличие от него, успевший вовремя эмигрировать. Вот – Мандельштам проводит занятия с актерами в «Театральной студии Ходотова». Вот – спорит с Алексеем Крученых, Анной Антоновской, Сергеем Рафаловичем и другими на вечерах в тифлисском «Цехе поэтов», созданном Сергеем Городецким по образцу петербургского...

Но не будем забывать, что в тот первый приезд Тифлис был для Осипа Эмильевича лишь транзитным пунктом на пути из Крыма в Москву. Поэтому уже на второй день пребывания здесь, Мандельштам с Эренбургом отправляются в советское посольство, которое именовалось тогда Полномочным представителем

Тифлисская консерватория.
Афиша вечера
О. Мандельштама и И. Эренбурга

Стоят слева направо: Н.Ходотов, О.Мандельштам и И.Эренбург. Сидит П.Яшвили. 1919

ством РСФСР в Тифлисе. Наверное, красным дипломатам не были чужды познания в поэзии – прибывших из белого Крыма «ласково приняли, обещали переправить в Россию; придется, однако, подождать неделю-другую». Именно этот срок и определил время пребывания Мандельштама в Тифлисе. Время, за которое, как мы убедились, он успел немало.

Проходят назначенные две недели, и Грузия, встретившая Мандельштама вооруженной охраной, ею же и провожает. Но уже под «крышей» весьма уважаемой дипломатической должности и не на обычном транспорте, а «в разбитом вагоне, прицепленном к бронепаровозу». Полномочное представитель-

ство РСФСР дает статус дипкурьера Эренбургу, а его жене и братьям Мандельштам – статус сопровождающих. Они везут «пакет с почтой и три огромных тюка, снабженных множеством печатей». Министерство иностранных дел Грузинской Демократической Республики снабжает «командированных в Москву» соответствующими пропусками. Что ж, без этого, наверное, нельзя было рассчитывать на быстрое возвращение домой в обход бумажной волокиты и весьма вероятных новых недоразумений на границе. С ними едут «весьма серьезный товарищ, возвращавшийся, кажется, из Англии... краснофлотец и молодой актер Художественного театра». Осип Эмильевич по дороге читает стихи...

У российской эмиграции появление Мандельштама в Грузии отзывается «поздним эхом». Уезжает поэт в октябре, а через три месяца, в январе 1921-го, берлинский журнал «Русская книга» пишет про него: «В настоящее время находится в Закавказье. Устраивал вместе с И.Эренбургом в Батуме и в Тифлисе вечера поэтов, на которых читал свои стихи»... Что ж, интерес «за-границы» понятен. «...Мы были первыми советскими поэтами, которые нашли в Тбилиси не только душевный отдых, но романтику, ощущение высоты, толику кислорода, – делится Эренбург и от имени Мандельштама. – Без Кавказа трудно себе представить русскую поэзию: там она отходила душой, там была ее стартовая площадка...»

«Тифлис горбатый...»

«ПОПЛЫВЕТ ТИФЛИС В ТУМАНЕ»

К словам товарища Мандельштам присоединяется посвящением грузинским друзьям – полушутливым гимном радости, испытанной им в городе над Курой. Строки, давно ставшие крылатыми выражениями, – одно из лучших стихотворений, написанных о Тбилиси. Вот самый первый вариант:

*Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарей стон звенит,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит!*

*Над Курой есть духаны,
Где вино и милый плов,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов.*

*Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить, –
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое,
Одному не надо пить.*

*В самом маленьком духане
Ты товарища найдешь,
Если спросишь «Телиани»,
Поплывет Тифлис в тумане,
Ты в духане поплывешь*

*Человек бывает старым,
А барашек молодым,
И под месяцем поджарым
С розоватым винным паром
Полетит шашлычный дым...*

Посылка организации «АРА»

Так в его творчество входит уже реальная Грузия. Отголоски впечатлений о том первом приезде можно услышать не только в очерках и стихотворениях, посвященных непосредственно этой стране. В статье «Литературная Москва» 1922 года, где, казалось бы, о Грузии речь идти не должна, возникает имя известного грузинского антрепренера, импресарио и устроителя поэтических вечеров Федора Долидзе, который «на летнее время, по крайней мере, душой переселяется в Азуркеты (Озургети – В.Г.), куда он собирается уже двенадцать лет». И еще одно описание – через год, в 1923-м. В очерке «Сухаревка» поэт сравнивает «ничтожество и однообразие лиц сухаревских торгашей» с людьми на тифлисском Майдане: «Разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда человеческие лица грузинских, армянских и тюркских купцов».

А в начале 1920-х российские ли-

тераторы получают паек американской благотворительной организации «АРА», которая в голодные годы поддерживала деятелей культуры и ученых. Мандельштам говорит Михаилу Пришвину: «Америка выдает помощь писателям, но требует подписи «благодарю» – не обидно ли так получать помощь русскому поэту? Не поднять ли этот вопрос в Союзе писателей?». В ответ Пришвин предлагает написать благодарность по-грузински: «Шени чириме, сулши чириме, гулши чириме». И поясняет: «Так благодарят грузины, это значит: беру твои болезни себе, болезни сердца, болезни души... все болезни беру себе, и войну, и голод, и тиф – все себе, а вы будьте богаты и счастливы». Мандельштам радостно соглашается на это хулиганство – все, что связано с Грузией, согревает ему душу.

Если же мы откроем второй номер за 1924 год московского журнала с довольно необычным названием «Искусство и промышленность», то вслед за статьей Константина Паустовского о Нико Пиросмани «Грузинский художник» прочтем интересное сообщение: «Поэт О.Мандельштам предложил редакции написать исследование на неожиданную и оригинальную тему – «Вывески Москвы». Из статьи этой, которая появится в одном из ближайших номеров журнала, будет, между прочим, ясно, что отголоски творчества Пиросманашвили достигли Москвы. На многих вывесках шашлычных и т.п. заведениях именуются как ясные подражатели

этому художнику, так и работы других молодых продолжателей клеенок и жесты Пиросмани». Статья не появилась...

Ну и, наконец, Мандельштам «не оставляет в покое» уже ставшее знаменитым стихотворение «Мне Тифлис горбатый снится». Редактирует его и в 1927-м, и в 1935-м. Так, в частности, «в самом маленьком духане» уже можно найти обманщика, а не товарища, и поплыть в бутылке, а не в духане, как было в первоначальном варианте... Но и Грузия не остается в долгу после первого появления Осипа Эмильевича на ее земле. Личное знакомство с российским поэтом настолько впечатляет тифлисских символистов, что в издававшемся на грузинском языке журнале «Гантиади» появляется сообщение: Нико Мицишвили организует в Париже грузинское издательство и вместе с Эренбургом и Городецким намерен привлечь к работе Мандельштама. Увы, и этот, говоря по-нынешнему, проект не состоялся.

«ПОЕЗДКА, В СВОЕМ РОДЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ»

Проходит восемь месяцев после первого приезда в Грузию, и

Мандельштам вновь берет курс на юг. На этот раз с женой Надеждой Яковлевной. Ее матери он сообщает перед отъездом, что готовится подать «заявление в литовскую миссию». Дело в том, что еще за год до этого поэт-символист Юргис Балтрушайтис предлагает ему принять литовское гражданство, чтобы иметь возможность, в случае чего, уехать из СССР. Балтрушайтис знал, что говорил: он был тогда поверенным в делах Литовской Республики в Москве и, как дипломат, ничего хорошего от Советской России не ждал, а родители Мандельштама родом были из Литвы. Что ж, Осип

Юргис Балтрушайтис

Так выглядели поезда «Центроэвака»

Эмильевич собирает все необходимые бумаги, но... От мысли о чужом гражданстве и от возможности отъезда он все-таки отказывается: «ведь уйти от своей участи все равно нельзя...»

И вот, в июне 1921 года, поэт с женой покидают «хмурую, грязную Москву, где горсточка муки с Украины казалась чудом». Это – слова Надежды Мандельштам, и все цитаты, которые мы прочтем в дальнейшем,

принадлежат ей – сам поэт в бытовые детали поездки не особенно вдавался. В то время на юг уходили поезда, сформированные «Центроэваком». За этим сокращенным названием стояло «учреждение, которое должно было заниматься расселением и устройством эмигрировавших из Турции армян». От себя добавлю, что Центральное управление по эвакуации населения входило в состав НКВД, но внешне влияние столь грозного ведомства никак не сказывалось. Да и дисциплина, как мы еще увидим, прихрамывала... Супруги надеялись попасть на поезд, который возглавлял Федор Раскольников – видный военный и государственный деятель, назначенный полномочным представителем (говоря современным языком, послом) РСФСР в Афганистан. Взять с собой «поэтишку» он отказывается, предпочтя ему писателя Льва Никулина.

«Сейчас я понимаю, что все к лучшему, но тогда огорчилась, а Мандельштам нисколько, хотя поездка была бы отдыхом от бедствий невероятных голодных лет, – вспоминала Надежда Яковлевна. – Он сказал, что судьба его хранит, чтобы он не путался в афганистанские интриги Раскольниковых, и принялся искать оказию на Кавказ». Такая оказия является в лице художника Бориса Лопатинского из объединения «Мир искусства». Именно он в 1911 году приобщил к футуризму тифлисского художника и поэта Илью Зданевича, прославившегося во Франции как Ильязд. А Осип Эмильевич работал с ним в Народ-

ном комиссариате просвещения. Лопатинский предстал в должности начальника поезда, отправлявшегося в Грузию. Вместе с ним ехала и «кучка его друзей, получивших мандаты «Центроэвака» на командные должности».

Мандельштамы кормят его «оладьями из муки, привезенной из Киева», раскрывают, как говорится, душу, и Лопатинский соглашается взять их с собой. Только надо было самостоятельно добраться до Ростова-на-Дону, а там Лопатинский оформляет командировочные документы по маршруту Кисловодск-Баку-Тифлис-Батуми. Размещают их в «начальственном вагоне», на котором висит надпись... «Для душевнобольных», спасающая «от напора толпы на всех промежуточных станциях». За ним «к Тифлису полз целый теплушечный поезд, забитый работниками, которым предстояло расселить и трудоустроить армянских беженцев из Турции». Энкаведешников там не было, Надежда признавалась: «В теплушках ехали обыкновенные работяги. Им, надеюсь, удалось что-то сделать для трагических армянских толп, а наш вагон внушал сомнения».

Обитатели этого вагона ведут себя так, как и положено людям, дорвавшимся до дармовой кормушки (в полном смысле этих слов). Помимо пайкового хлеба, «за корку которого голодные крестьяне готовы были отдать что угодно», они продают деньги, авансом полученные от начальника поезда: «Вся страна жила тогда авансами, отчитываясь

за них расписками от имени извозчиков, которые открыто фабриковались на глазах у начальства». Главный помощник и sobутыльник Лопатинского не хочет, чтобы авансы перепали и Мандельштамам, но начальник стоит на своем, и по эту с женой «все же перепало на лаваш и рис». В целом же поездка кажется им «в своем роде увеселительной: неделю мы почему-то простояли в Кисловодске, хотя никаких армянских беженцев там никто в глаза не видел. Мы радовались жизни и отдыхали от холода и голода серьезных городов».

В Баку в поезде вспыхивает холера, его отводят на запасный путь, и Осип с Надеждой живут «в неподвижном вагоне как железнодорожная бригада, пока больные отлеживались в городе». Тем не менее им удается (о, радость!) сходить в баню, где ставят в паспорта специальную отметку, чтобы... «не пришло в голову вторично помыться». После долгого общения с командированными «Центроэвака» радость доставляют и встречи с находившимся в столице Азербайджана Вячеславом Ивановым и Сергеем Городецким. А затем, наконец, Грузия:

«В первую минуту, переехав грузинскую границу в вагоне «для душевнобольных», мы поняли, что очутились в ином мире. Поезд остановился, и все пассажиры во главе с машинистом и проводниками кинулись к стоявшим поодаль арбам с бочками. Мы двинулись в путь захмелевшие и веселые: в Грузии свободно торговали вином, бутыл-

ка которого стоила не больше, чем кусок лаваша. Солнце, веселый поезд, веселый паровоз, веселые под хмельком люди...»

«В САМОЙ ЛУЧШЕЙ ЧАСТИ ТИФЛИСА»

В Грузии уже полгода как советская власть, но, на первый взгляд, особых изменений не видно. Главное – грузинские поэты рады появлению своего российского товарища. Все хорошо: «Мы мотались по Грузии на птичьих правах, чужие и непонятные люди, сбежавшие из нищеты в богатую и равнодушную страну. Так, должно быть, чувствовали себя

Интерьеры «Дома искусств»

беженцы из «Совдепии» в пышном Константинополе... Изредка Канделаки, министр просвещения, впрочем, они еще тогда были комиссарами, выписывал грошовую подачку за переводы, но на нее накладывал вето аскет Брехничев, русский уполномоченный при широком и щедром грузине. Про Брехничева говорили, что он расстрига, и не позволяли ему зажимать «своих». От шуточных стихов тех дней у меня осталась строчка: «У него Брехничев вместо цепной собаки», а от предыдущей только рифма – Канделаки... мы пили телиани, где-то жили, с кем-то разговаривали...»

В общем, живут они, по словам Михаила Булгакова, жизнью «бедной, гордой и поэтически беспечной». В том числе и у знакомого из Москвы, в старинном районе Верэ, во дворике на углу Гунибской (ныне – Барнова) и Кирпичной (ей с переименованиями особенно повезло: сначала целиком – в Белинского, а

ныне – частью в Човелидзе, частью – в Схиртладзе). Но это – так, для справки тем, кто захочет пройтись по памятным литературным местам. А потом новая для Грузии власть проявляет себя: «Однажды к дому, где мы жили, подъехали грузовики, и в несколько часов весь квартал был выселен. Тогда уже начали практиковаться массовые организационные действия, вроде переселения целого квартала или, как было когда-то в Киеве, обыска для «изъятия излишков», произведенного в одну ночь во всем городе. Теперь, после того, как мы испытали подлинную массовость предприятий, это кажется детской забавой, но тогда на нас, еще неопытных, эти переселения и обыски производили впечатление. Первые опыты – силы только набирались».

Правда, в кутузку никого не увозят – верийцам раздадут уже приготовленные ордера на новое жилье, а Мандельштамы, когда приходит их очередь, могут назвать только «Дом искусств», как именовался тогда нынешний Дом писателей, бывший особняк Сараджишвили. Их вещи кидают в кузов полугрузовика (не будет же столь уважающая себя организация, как ЧК, развозить выселенных на арбах!). «Мне почему-то запомнилась эта фантазмагория и забавнейшая деталь, придававшая всему еще более фантастический характер: шофер был негром. Откуда взялся негр, я не знаю», – признается жена Мандельштама. Когда она писала это, еще не было повышенных требований к политкоррект-

Борис Легран

ности и толерантности. Говоря же современным языком, шофер-афрогрузин торжественно проехал «по яркой центральной улице Обфлиса и остановился у изящного особняка в самой лучшей части Тифлиса».

Ну, а там, как мы помним, комендантом – Паоло Яшвили. К тому же он и Тициан живут с семьями на втором этаже. Значит, горячий прием приезжим обеспечен: Паоло «великолепным жестом приказал швейцару отвести нам комнату..., и швейцар не посмел ослушаться – грузинские поэты никогда бы не позволили своему русскому собрату остаться без крова». Что было потом? «Мы самочинно, без разрешения властей и новых хозяев особняка «Голубых рогов», заняли один из небольших кабинетов на нижнем этаже, где были приемные, гостиные и террасы. На втором этаже жили Паоло Яшвили и Тициан Табидзе. Возмущенные

нашим самоchinством, слуги бегали жаловаться комиссарам просвещения, за которыми числился особняк, и время от времени по приказанию комиссаров Канделаки и Брехничева не пускали нас в дом. Тогда с верхнего этажа спускался Яшвили и, феодальным жестом отшвырнув слугу, пропускал нас в дом».

А еще – на какое-то время – Мандельштамы сближаются с постпредством РСФСР в Грузии, а конкретно – с возглавляющим его Борисом Леграном. К этому человеку стоит приглядеться особо. Он – тифлисец, большевиком стал еще в гимназии и в шестом классе пытался приобщиться к политике своего друга Николая Гумилева. После Октябрьского переворота, активным участником которого он был, Борис Васильевич работает заместителем наркома Военно-морских дел, председателем Революционного военного трибунала Советской России, вместе с Иосифом Сталиным организует оборону Царицына, становится первым полпредом РСФСР в Грузии, Армении и Азербайджане после их советизации.

Мандельштама, нынешнего друга Гумилева, он привлекает – знакомит с женой, берет в штат полпредства на должность референта. Служебные обязанности просты: просматривать газеты и делать из них вырезки. Но газеты «приходили с севера и из-за границы со скоростью черепахи. Легран раздобывал новости не из газет, а в Цека (или это называлось тогда Закрайком? названия у нас непрерывно меня-

лись), имевшем с Москвой либо телефонную связь, либо тысячу курьеров». Поэтому главное в этом референтстве – два ежедневных обеда «по типу московских пайковых столовых». И Осип с Надеждой «приходили в посольство, болтали со скучающими Легранами, а затем уносили посольские судки с обедом и пачку газет, из которых Мандельштаму полагалось по долгу службы делать вырезки».

Однажды Легран, «обычно равнодушный и сдержанный», уводит пришедших в полпредство Мандельштамов к себе на квартиру и там общается страшную новость: в Петрограде расстрелян Гумилев. Видно, что он серьезно напуган, хотя и говорит «искусственно дипломатическим голосом». А его жена, «приятная и приветливая женщина» спешит объявить, что друг детства ее мужа ей всегда не нравился – «заносчивый, резкий, непонятный, чужой и чуждый человек». Со временем, уже насмотревшаяся таких сцен Надежда Яковлевна констатировала: «Жена Леграна оказалась первооткрывательницей и пионеркой: в те ранние годы еще не научились с ходу отрякаться от погибших, обвиняя их в дурном характере и чуждой настроенности – и притом совершенно искренно (в этом весь фокус). Потом только так и поступали с завидной прямоотой и честностью... Жена Леграна была предельно искренней, но впечатление от первого выпада против расстрелянного оказалось таким сильным, что нам не захотелось возвращаться в посольство за обедом

и газетами. Мы ушли с судками, но в посольство больше не заглядывали. Вскоре к нам явился солдат, рас-сылный посольства, и забрал по-сылскую жестяную посуду. На этом отношения с Легранами кончились».

«УМЫВАЛСЯ НОЧЬЮ НА ДВОРЕ»

А в «Доме искусств» рождается стихотворение, считающееся переломным в творчестве Мандельштама – «Умывался ночью на дворе». «Дебютирует» оно в конце 1921-го, в первом же номере русской газеты «Фигаро», начавшей выходить в Тифлисе под редакцией Нико Ми-

**Здесь Осип Мандельштам
«умывался ночью»**

цишвили. Современники увидели в нем «новое мироощущение возмужавшего человека». Однако это произведение примечательно еще многим.

Во-первых, оно навеяно именно гибелью Николая Гумилева. Во-вторых, оно основано не на сочиненном ради романтики «восточном колорите», а на реальном тифлисском быте – водопровод в роскошном здании не работает, и все умываются привозной водой, из огромной бочки во дворе. «В стихи попало и грубое домотканое полотенце, которое мы привезли с Украины», – отмечает жена поэта. Ну, а самое главное – они удивительно перекликаются со стихотворением Анны Ахматовой «Страх», тоже посвященным смерти Гумилева. Вот строки Мандельштама:

*Умывался ночью на дворе.
Твердь сияла грубыми звездами.
Звездный луч – как соль на топоре.
Стынет бочка с полными краями.*

*На замок закрыты ворота,
И земля по совести сурова.
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.*

*Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее.
Чище смерть, солонее беда,
И земля правдивей и страшнее.*

А вот – начало стихотворения Ахматовой:

Осип и Надежда Мандельштамы

*Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?*

В первых строфах поэтов, разделенных огромным расстоянием – один и тот же образ луча на топоре! У Ахматовой он родился в конце августа, а в печатном виде появился в октябрьском номере петроградского журнала «Записки мечтателей». У Мандельштама луч лег на топор осенью, напечатано же стихотворение в декабре, в тифлисской газете «Фигаро». Что это – фантастическое совпадение мыслей двух гениев или же Мандельштам как-то смог про-

честь ахматовские строки и откликнуться на них? В те времена питерский журнал вряд ли мог попасть в Грузию за столь короткий срок после выхода в свет. Но вполне возможно, что «Страх» в списках дошел до обширных литературных кругов Тифлиса, в которых всю вращался Мандельштам. Противники же этой «приземленной» версии, которых немало среди литературоведов, спорящих до сих пор, приводят строки из письма Мандельштама Ахматовой: «Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем (Гумилевым – В.Г.) и с Вами. Беседа с Ко-

лей не прерывалась и никогда не прервется»...

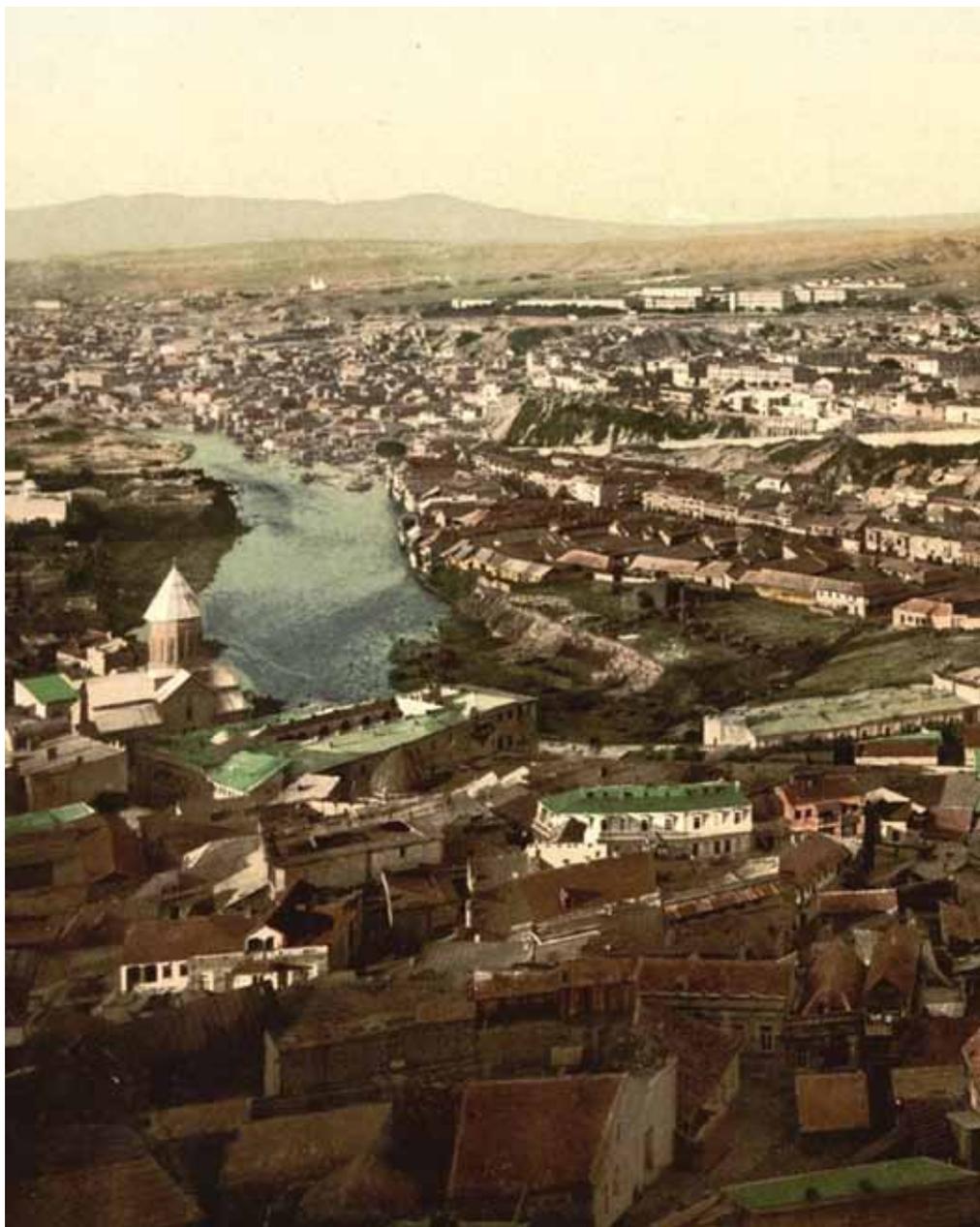
Вообще, жизнь в «Доме искусств» отмечена не только этим, по словам Надежды Яковлевны, «переломным стихотворением с новым голосом» – тем самым голосом, который слышен на следующем этапе его творчества, в стихах 1921-1925 годов. В особняке грузинских писателей для Манделштама наступает самое плодотворное время в Тифлисе. Он активно пишет в местные газеты, выступает на различных диспутах и вечерах, преподает в Театральной студии Н.Ходотова и даже вступает в Союз русских писателей Грузии. Да, была тогда и такая писательская организация, можно прочесть расписку Манделштама о получении денежного пособия от нее. Словом, гость уже настолько становится своим в литературном мире Грузии, что каждый, открывший второй номер петроградского «Вестника культуры» за 1922 год, увидит примечательную «утку»: «Поэт О.Манделштам переехал в Тифлис».

А еще он активно занимается переводами, и для многих это – неожиданность. «Сам по себе переводческий труд Манделштам недолюбливал, но, тем не менее, оставил после себя несколько прекрасных переводов с грузинского...», – констатирует Нико Мицишвили. В том же номере «Фигаро», где было опубликовано стихотворение «Умывался ночью на дворе», появляется такое сообщение: «О.Манделштам закончил перевод на русский язык поэмы Важа

Пшавела «Гоготур и Апшина». Перевод одобрен и принят Наркомпросом к печатанию. Та же поэма переведена также и А.Кулебакиным. На днях во Дворце искусств состоялось чтение обоих переводов, после чего были устроены прения». Отрывки из этого мандельштамовского перевода в Тифлисе печатаются дважды – в «Фигаро» и журнале «Пламя», но книга так и не выходит. По возвращении из Грузии заключается контракт с Госиздатом на трехтысячный тираж, но и эта книга света не увидела. И лишь в начале 1923-го перевод поэмы грузинского классика появляется в журнале «Восток». А через двенадцать лет он входит в книгу поэм Важа Пшавела, и российская критика признает его подлинным открытием грузинского поэта в русских переводах.

И, конечно, Манделштам не может не работать со стихами своих друзей-голубороговцев. Так, в первой русской антологии «Поэты Грузии», которая издается в Тифлисе в конце 1921 года, появляются «Бирнамский лес» Тициана Табидзе, «Прощание» Нико Мицишвили, «Автопортрет» Георгия Леонидзе и «Пятый закат» Валериана Гаприндашвили. А в книгу певца Тифлиса Иосифа Гришашвили, вышедшую в следующем году под простым названием «Стихотворения», будут включены переведенные Манделштамом «Перчатки» и «Мариджан».

Уже после отъезда Осипа Эмильевича из Грузии печатается переведенное им новое стихотворение живущего в Тифлисе армянского

Панорама Тифлиса

футуриста Кара-Дарвиша (Акопа Генджана) «Пляска на горах». Известный литературовед Александр Парнис утверждает: «Работа над этим переводом еще до выхода на активный контакт с национальной культурой и была зарождением армянской темы, ставшей в зрелый период поэта важным этапом его творчества». И еще одно признание литературных критиков: «...Переводческую работу Мандельштама в 1921 г. в Грузии следует поставить, вслед за работой К.Д. Бальмонта, к самым истокам серьезных контактов русских поэтов-переводчиков и грузинской поэзии, достигших своего расцвета уже в тридцатых годах, когда к переводам с грузинского были привлечены Б.Пастернак, М.Цветаева, Б.Лившиц, Н.Заболоцкий, Н.Тихонов и др. русские поэты».

«ПИЛИ ТЕЛИАНИ И ЕЛИ КАЙМАК, БРЫНЗУ И ЛАВАШ»

Согласитесь, работа проделана немалая. При всем этом на террасах «Дома искусств» Осип Эмильевич яростно спорит со своими друзьями, осуждая символизм. Он искренне недоумевает, почему «голубороговцы» живут образами, связанными с европейской литературой, призывая их обратиться к корням Грузии, где

«старое искусство, мастерство ее зодчих, живописцев, поэтов, проникнуто утонченной любовью и героической нежностью». Дело доходит даже до разборок на уровне «А кто вы такой, чтобы нас учить?» и клятв Яшвили именем Андрея Белого «уничтожить всех антисимволистов». Ничего не поделаешь, поэты – народ, пылкий во всем...

Разругивались по-серьезному, находя друг для друга обидные эпитеты и в прессе. Надежда Яковлевна так пишет об этих «баталиях»: «Антисимволистического пыла у Мандельштама хватило на все статьи 1922 года. Доводы оттачивались в тифлисских спорах. Младшие «Голубые роги», Гаприндашвили и Мицишвили, тайно сочувствовали Мандельштаму, но старшие были непримиримы... Зато сходились все на одном: в оценке Важа Пшавелы». Что ж, нельзя забывать: милые бранятся – только тешатся». Удивление, причем, граничащее с преклонением, вызывает другое: в то время, когда политика начала корезить тифлисскую жизнь и разделять людей по мировоззрениям, эти люди ссорились только из-за поэзии!

Со временем Мандельштамы все-таки начинают тосковать по Москве и делают попытку отправиться туда... Ехать через Баку в довольно чистой теплушке надо не меньше двух-трех недель: «Теплушечные поезда простаивали подолгу на узловых станциях и «мазали» мылом начальника, чтобы он дал паровоз. На станциях шел торг и обмен...» Осип с Надеждой тоже надеялись

Базар на Майдане

«прокормиться обменом последнего барахла», но для этого надо было доехать до России: «Богатая Грузия в нашем барахле не нуждалась». А в дороге советская власть преподносит событие, потрясшее поэта и его жену, которая описывает все в подробностях:

«Теплушка вдруг преобразилась – в центре возник стол из чемоданов, на нем тряпка вместо скатерти, роскошная еда и вино. Меня, единственную женщину, усадили на почетное место. Начался пир, но на первой же станции оказалось, что поезд пошел, а наша теплушка стоит. Мы не заметили, как ее отцепили. Грузины кинулись к дверям, но открыть их не смогли. Еще минута, и двери раздвинулись. В вагон вошло

несколько вооруженных людей во главе со штатским, низкорослым и широкоплечим человеком с лицом скопца. На нем были огромные очки, и в довершение всего он еще казался мне слепым. Скопческим высоким голосом штатский объявил, что он представляет Чрезвычайную комиссию по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией. Начался обыск, но нашим имуществом никто не интересовался. Веселые грузины оказались зубными техниками. Они везли в Москву чемоданы лекарств и материалов для протезов. Искали у них и золото. Тем временем вагон двинулся – обратно на Тифлис. Грузин увели под стражей, а нас отпустили на все четыре стороны. Я впервые присутствовала при аре-

сте. До этого мне пришлось видеть только бесчисленные обыски. У веселых и гостеприимных грузин, чей пир так мрачно оборвался, были смертельно бледные лица. Мне так хотелось, чтобы они откупились от мрачного скопца и снова вылетели на волю...».

Они вернулись в Тифлис, снова «пили телиани и ели каймак, брынзу и лаваш». Конечно же, много ходили по знаменитому базару, и однажды дорогу им преградила «мощная процессия «шахсе-вахсе». Это – религиозная церемония мусульман-шиитов, имитирующая страдания и гибель потомков халифа Али, зятя Мухаммада. Смысл ее в самобычвании, которое сопровождается возгласами «Шах, Хусейн! Вах, Хусейн!». В искаженном виде эти слова и запомнила жена Мандельштама. А зрелище, конечно, не для слабонервных:

«Под равномерные звуки восточных барабанов шли полуголые люди, ритмически хлеставшие себя кожаными плетками... Они держались стройными прямоугольниками. За ними в том же порядке – люди с кинжалами с более сложными ритмическими движениями. Один к одному, совершенно точно и одновременно они поднимали то правую, то левую ногу и наносили себе удар кинжалом все в одно и то же место. «Это было бы похоже на балет, если бы не струйки крови, сочившейся из ран. Шли верблюды, ослы и кони в прекрасных пополах. На них ехали женщины и дети... Толпа зрителей то и дело шарахалась от страха, и

мы тоже вместе с толпой. Я хотела бежать, но Мандельштам меня удерживал и заставил достоять до конца бесконечной процессии». Эта процессия так врзалась в память Осипа Эмильевича, что он вспоминает ее на следующий год в статье... «Литературная Москва». В строках о Владимире Маяковском говорится о людях, «которые, как шииты, готовы лечь на землю, чтобы по ним проехала колесница зычного голоса».

«В ОЦИНКОВАННОМ ВЛАЖНОМ БАТУМЕ»

Переводами Мандельштам много занимается и в Батуми – конечной точке «командировки», организованной Лопатинским. Он был там дважды. Первый раз в августе. Батумский «Центросоюз» (высший координирующий орган потребительской кооперации), который в Грузии назывался «Цекавшири», предлагает ему прочесть лекцию, посвященную недавно скончавшемуся Александру Блоку. Кстати, этот город становится своеобразным индикатором отношений с молодой женой: «Я поняла, как он относится ко мне, еще в первый приезд в Грузию (первый для нее – В.Г.)». Приехав в Батуми, они проводят ночь у того самого Николая Макридина, который за год до этого организовывал

Панорама Батуми. 1920-е гг.

выступление Мандельштама в столице Аджарии: «Его самого не было в городе, а жена, пустившая нас на террасу, предупредила, что там полно москитов. Всю ночь, просыпаясь, я видела, как Мандельштам сидит на стуле, рядом с кроватью, и машет листом бумаги, отгоняя от меня москитов».

Лекцию о Блоке «Центросоюз» оплачивает не обесценивающимися деньгами, а лучшим, что могло быть в то время – большим куском материи, которой хватило и на костюм поэту, и на пару платьев для его жены. Мандельштам не забывал об этом (как, впрочем, и обо всем, что было в Грузии), и спустя много лет, в апреле 1934 года, рождаются замечательные строки:

*В оцинкованном влажном Батуме,
По холерным базарам Ростова
И в фисташковом хитром Тифлисе
Над Курою в ущелье балконном
Шили платья у тихой портнихи...*

К сожалению, они практически неизвестны широкому читателю – это набросок, сохранившийся после того, как при первом аресте бумаги Мандельштама были конфискованы. «В мае рукопись отобрали, и она пропала. Восстановить стихотворение нам не удалось – оно было слишком свежим», – сокрушалась Надежда Яковлевна. Действительно, очень жаль: кто знает, какими еще яркими мазками были нарисованы образы перечисленных городов! Но и сохранившееся восхищает поэтич-

Михаил Булгаков

ностью конкретики. Холерные базары Ростова, фисташковый Тифлис, влажный Батуми... Все это понятно. А вот откуда «оцинкованность»? Те, кто помнят старый Батуми, как, например, автор этих строк, в течение пятнадцати детских лет приезжавший туда каждое лето, знают: стены многих жилых домов были покрыты листами тонкого металла. Их надо было защитить с той стороны, откуда зимой и осенью ветер чаще всего гнал проливные батумские дожди. Так и родился удивительный образ этого города...

А еще в Батуми Осип Эмильевич встретился с бедствовавшим там, не сумевшим уехать в Турцию Михаилом Булгаковым. В дневнике жены писателя Елены Сергеевны в 1935-м

появляется такая запись:

«Жена Мандельштама вспоминала, как видела Мишу в Батуме лет 14 тому назад, как он шел с мешком на плечах. Это из того периода, когда он бедствовал и продавал керосинку на базаре». А это – из письма Надежды Мандельштам Елене Булгаковой уже в 1962 году: «Это было в Батуме в 21 году... К нам несколько раз на улице подходил молодой человек и спрашивал О.М., стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс. О.М., к тому времени уже знавший литературную жизнь, говорил, что на конкурс посылать ничего не стоит, а надо ехать в Москву и связаться с редакциями. Они иногда подолгу разговаривали именно на эту «практическую» тему». Мандельштам сказал тогда жене: «В нем что-то есть – он, наверное, что-нибудь сделает, у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не стать писателем». Надо ли говорить, что этот предсказание оправдалось?

Сам же Булгаков вспоминает совсем другой момент. И подает его в «телеграфном стиле», шаржированно, как все у него в «Записках на манжетах»: «...Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью:

– Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают?

– ...но денег не пла..., – начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...».

«Около полугода мы проболтались с Мандельштамом в богатой и

веселой Грузии», – констатирует Надежда Яковлевна. А потом: «Комиссары, убедившись, что примитивно – ручным способом – выгнать нас нельзя из-за сопротивления Яшвили, дали нам ордер на какую-то гостиницу с разбитыми стеклами. Мы побыли там несколько дней, выпили вина с соседями – грузинскими милиционерами – и через Батуми уехали в зиму – на север. Новый двадцать второй год мы встретили на пароходе в Сухуми».

В Батуми они проводят около двух месяцев и уезжают, чтобы вернуться почти через девять лет.

«ПРЕДДВЕРЬЕ И СВОЕГО РОДА КАРАНТИН»

Еще раз побывать на Южном Кавказе Мандельштаму очень хочется – конечно же, в Грузии, а еще – в Армении. Поездка во вторую из этих стран вроде бы «наклеивается»: нарком просвещения Армянской ССР Асканаз Мравьян в 1929-м приглашает в Ереванский университет, вести семинар по вопросам поэзии. Однако он вскоре умирает, а его преемник вовсе не собирается связываться с поэтом, не воспевающим советскую власть. И тут на помощь приходит покрови-

«Блаженная дача»

тельствующий литераторам Николай Бухарин. Он все еще имеет влияние, хотя его разногласия со Сталиным все увеличиваются, и за это он уже выведен из Политбюро. В 1928-м он помог Осипу Эмильевичу в издании книг, а теперь, через председателя Совета народных комиссаров СССР Вячеслава Молотова и члена исполкома Коминтерна Сергея Гусева, ему удается «пробить» для поэта командировку в Армению. Ведь именно в то время писателей обязывают посещать стройки, заводы и колхозы, чтобы воспеть успехи первой пятилетки.

Пока решается этот вопрос, Мандельштам начинает жаловаться на сердце. Диагноз – «воспаление сердечной мышцы», ему прописывают санаторное лечение. И в конце марта 1930-го он отправляется с женой в Сухуми. Там они проводят шесть недель, которые Мандельштам расценивает «как преддверие и своего рода карантин – до вызо-

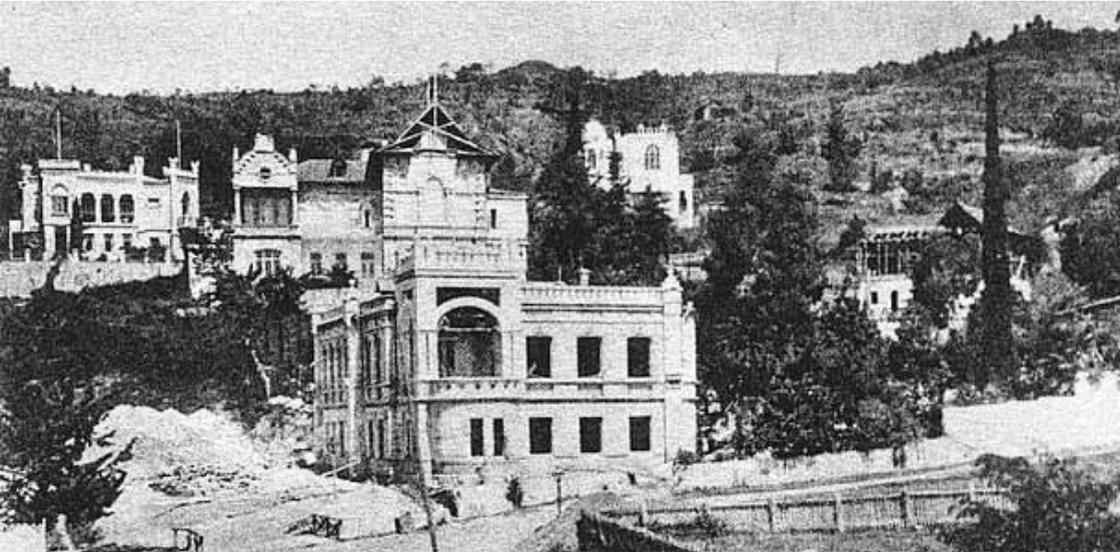
Таким Осип Мандельштам видел Сухуми с горы Чернявского

ва в Армению». Дом отдыха имени Серго Орджоникидзе, являвшийся правительственной дачей, Надежда Яковлевна вспоминает как «крошечный сухумский дом отдыха для вельмож». У ее мужа иной взгляд: «Солнечная мансарда», на «оцепленной розами, никем не заслуженной, блаженной даче». Она нависает над городом «как на подносе срезанной горы; так и плывет в море вместе с подносом».

А вот еще одно поэтическое восприятие Мандельштамом этого города: «Сухум легко обозрим с так называемой горы Чернявского (Сухумская гора – В.Г.) или с площадки Орджоникидзе. Он весь линейный, плоский и всасывает в себя под траурный марш Шопена большую луговину моря, раздышавшись своей курортно-колониальной грудью. Он

Александр Безыменский

Гора Чернявского (Сухумская гора)

расположен внизу, как готовальня с вложенным в бархат циркулем, который только что описал бухту, нарисовал надбровные дуги холмов и сомкнулся». А после поездок в Гудаута, Новый Афон и Ткварчели появляется резюме: «Хотя в общественной жизни Абхазии есть много наивной грубости и злоупотреблений, нельзя не плениться административным и хозяйственным изяществом небольшой приморской республики, гордой своими драгоценными почвами, самшитовыми лесами, оливковым совхозом на Новом Афоне и высоким качеством ткварчельского угля».

На этой даче круг общения Мандельштама составляют заинтересовавшие его жители Грузии. Это директор Тифлисского национального музея, который «заведует грузин-

ской фреской с ее упаси меня Боже какими огромными малярными глазами». И собиратель абхазских народных песен «еврей по происхождению и совсем не горец, не кавказец», для которого мир «разделялся надвое: абхазцы и женщины». И президент Общества любителей кавказской словесности. Между тем среди отдыхающих на «блаженной даче» звучат и другие имена. Одно из них, заместителя наркома земельного дела СССР, через шесть лет станет олицетворением кровавых репрессий – Николай Ежов. А вот «пролетарский поэт» Александр Безыменский уже известен всей стране, за десять лет тираж его книг достиг миллиона экземпляров. «Три недели я просидел за столом напротив Безыменского и так и не разгадал, о чем с ним можно разговаривать», –

признавался Мандельштам.

И надо же случиться, что именно Безыменский, активный член РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), которая травила Маяковского, сообщает «океаническую весть о смерти Маяковского». Мандельштаму, ощутившему при этом «как водяная гора бьет позвоночник, стеснила дыхание и оставила соленый вкус во рту». А вот собравшаяся на даче «элита» писателей и литературных чиновников ничего не испытывает: «Общество, собравшееся в Сухуме, приняло весть о гибели первозданного поэта с постыдным равнодушием. (Ведь не Шалапин и не Качалов даже!). В тот же вечер плясали казачка и пели гурьбой у рояля студенческие вихрастые песни»...

«СТИХИ ВЕРНУЛИСЬ... В ТИФЛИСЕ»

Наконец поступило разрешение ехать в Армению, и чета пробыла там с начала лета до середины осени. А потом – снова Тифлис. Тифлис же предшествует этой поездке, а потом венчает ее. Нельзя точно сказать, бывал ли снова Мандельштам в столь памятном ему сололакском особняке. Скорее всего – да, ведь

он вновь встречался с местными писателями, вел переговоры о работе в архивах. Гораздо важнее другое: в тот его приезд Тифлис делает огромное дело не только для самого поэта, но и для всей мировой литературы – впервые после пятилетнего перерыва Мандельштам снова начинает писать стихи. Это – не только цикл об Армении, но и совсем небольшое стихотворение:

*Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!*

*Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!*

*А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом...
Да, видно, нельзя никак.*

Литературоведы признали его шедевром и посвящают сотни страниц расшифровке образов. Установлено, что оно обращено к жене, которую Мандельштам во многих письмах называл «большеротиком» и «птенцом». Вспоминают, что его самого под именем Щелкунчик зашифровал в «Траве забвения» Валентин Катаев. Но для читателей этой книги ценна и другая конкретика. Словом «товарищ» на правительственной даче в Сухуми супруги «ответработников» обращались к своим мужьям. Жена Мандельштама смеялась над этим, а он сказал: «Нам бы это больше пошло, чем им». «Ох, как крошится наш табак!» – картинка того, что творилось тогда в Тифлисе: исчезли многие промто-

Тифлис. Начало 1920-х гг.

вары, продукты, папиросы и приходится курить бракованное. А ореховый торт был подарен Надежде Яковлевне на ее тридцать первый день рождения.

Мандельштам признавался, что после пяти лет поэтического молчания, именно это стихотворение, навеянное и жизнью тогдашней Грузии, «пришло» к нему первым и «разбудило» его. «Стихи вернулись на обратном пути из Армении, когда мы задержались в Тифлисе», – подтверждает его жена. А выдающийся армянский поэт Егише Чаренц, пришедший к нему в Тифлисе, прямо заявляет: «Осип Эмильевич, из вас лезет книга». И действительно, вслед за «Щелкунчиком» появляется знаменитый цикл об Армении.

Поначалу у Мандельштама не возникает проблем в Закавказье.

Его жена объясняет это тем, что высокопоставленный коминтерновец Гусев, по просьбе Бухарина организовавший эту поездку, «обращался к местным секретарям ЦК с просьбой о содействии и устройстве». В Тифлисе таким человеком оказывается первый секретарь Закавказского крайкома партии Бесо (Виссарион) Ломинадзе. Он покровительствует Мандельштаму, договаривается об архивной работе, поэт даже надеется получить квартиру, но... В Москве вспоминают, что Ломинадзе посмел упрекнуть партию «в барско-феодалном отношении к нуждам и интересам рабочих и крестьян». Сразу же обнаруживается «лево-правый блок Сырцова-Ломинадзе». Благоволившего Мандельштаму чиновника переводят с понижением на Урал, где он, в конце концов, застрелился.

Бесо (Виссарион) Ломинадзе

«Это могло погубить и О.М., но обошлось без последствий. Дела, так сказать, не подняли, а могли поднять. Значит, нам повезло, – пишет Надежда Яковлевна. – А тогда мы этого еще не понимали». Потом все-таки поняли, и это решило все: «...Как только грянула трагедия Ломинадзе, у которого О.М. три-четыре раза был на приеме в обкоме, мы заметили, что за нами, куда бы мы ни шли, увязывается шпик. Вероятно, местные органы решили на всякий случай проследить за непонятным посетителем опального вельможи. Тут-то мы поняли, что в Тифлисе нам делать нечего, и поспешно удрали в Москву». Заняться переводами с грузинского в эту поездку Мандельштам так и не успел...

«ЗДОРОВО ЛИ ВИНО? ЗДОРОВЫ ЛИ МЕХА?»

В поэзии Осипа Эмильевича, которая с тех пор не «засыпала», Грузия осталась жить до самого трагического конца поэта. Он вспоминал ее в ссылках после первого ареста, писал о ней новые строки, оттачивал уже написанное. Чуть больше, чем за год до второго, рокового ареста в его стихах вновь появляется Тифлис:

*Еще он помнит башмаков износ –
Моих подметок стертое величие,
А я – его: как он разногolos,
Черноволос, с Давид-горой гранича.*

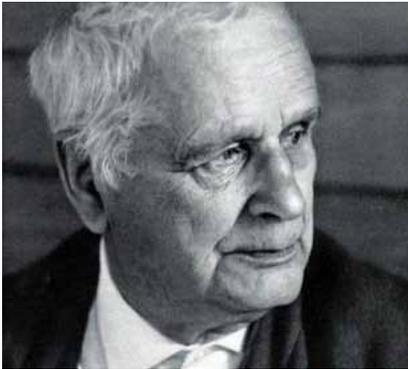
*Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы;
Балкон-наклон-подкова-конь-балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы...*

*И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света, –
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето.*

А эти строки того же времени рождены воспоминанием о свадебной кавалькаде, увиденной в Сухуми. Но звучат они обращением ко всей Грузии:

Последние фотографии О.Мандельштама. Из архива НКВД

Василий Шухаев

*Пою, когда гортань сыра,
душа – суха,
И в меру влажен взор,
и не хитрит сознание:
Здорово ли вино?
Здоровы ли меха?
Здорово ли в груди
Колхиды колыханье?..*

В своей последней обители – в царстве зла пересыльного лагеря под Владивостоком – Мандельштам мог бы услышать отголосок из прежней жизни. Ведь там же оказался и знаменитый художник Василий Шухаев, а им было что вспомнить. Нет, не о грузинской столице – ее жителем Василий Иванович стал лишь после возвращения из этой ссылки. Но именно он создал самый известный и самый красивый портрет той «Соломинки»-Саломеи, в которую был когда-то влюблен Осип Эмильевич... Встретиться им не довелось, но однажды Шухаеву дали самокрутку из бумаги со стихотворением Мандельштама. Быть может, в лагере 3/10 «Вторая речка» зеки скурили и строки, посвященные Тифлису.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТРЫВКИ ИЗ ДВУХ ОЧЕРКОВ 1922 ГОДА

КОЕ-ЧТО О ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В русской поэзии есть грузинская традиция. Когда наши поэты прошлого столетия касаются Грузии, голос их приобретает особенную женственную мягкость и самый стих как бы погружается в мягкую влажную атмосферу:

*На холмы Грузии легла ночная
мгла...*

Может быть, во всей грузинской поэзии нет двух таких стихов, по-грузински пьяных и пряных, как два стиха Лермонтова:

*Пену сладких вин
Сонный льет грузин.*

Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным, —

*Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной, —*

и разработанный Лермонтовым в целую мифологию с мифом о Тамаре в центре.

Любопытно, что этим мифом, обетованной страной поэзии, для

русской поэзии стала не Армения, а Грузия.

Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиришествной пьянностью, в которую погружена душа и история этого народа. Грузинский эрос — вот что притягивало русских поэтов. Чужая любовь всегда была нам дороже и ближе своей, а Грузия умела любить. Ее старое искусство, мастерство ее зодчих, живописцев, поэтов, проникнуто утонченной любовью и героической нежностью.

Да, культура опьяняет. Грузины сохраняют вино в узких длинных кувшинах и зарывают их в землю. В этом — прообраз грузинской культуры: земля сохранила ее узкие, но благородные формы художественной традиции, запечатала полный брожения и аромата сосуд.

То, что нельзя вывести из рассудочных данных культуры, из учета ее накопленных богатств, есть именно дух пьянства, продукт таинственного внутреннего брожения: узкая глина-

Важа Пшавела

ная амфора с вином, зарытая в землю...

Я бы причислил грузинскую культуру к типу культур орнаментальных. Окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают в себя главным образом его узор, в то же время ожесточенно сопротивляясь внутренне враждебной сути могущественных соседних областей.

Сейчас в Грузии стоном стоит клич: «Прочь от Востока – на Запад! Мы не азиаты – мы европейцы, парижане!». Как велика наивность грузинской художественной интеллигенции!.. Тенденция – прочь от Востока! – всегда существовала в грузинском искусстве, но разрешалась не грубым лозунгом, а высокохудожественными формальными средствами.

Войдите в национальный музей грузинской живописи в Тифлисе. Перед вами предстанет длинная вереница строгих портретов, преимущественно женских, по своей технике и глубокому статическому покою напоминающих старую немецкую живопись. В то же время плоскостное восприятие формы и линейная композиция (ритм линий) дышат приемами персидской миниатюры. Часто встречается золотой фон и богатый золотой орнамент. Эти работы безымянных живописцев – настоящая победа грузинского искусства над Востоком, – и как ничтожны перед ними танцующие осколки скрипки, некогда разбитой Пикассо, пленившей новую грузинскую живопись. С этой скрипкой – то же самое, что с мошеническими реликвиями монахов: скрипка была одна, ее разбили один раз, но нет такого города, где бы не показывали щепочки – вот кусочки от Пикассо!

Жизнь языка открыта всем – каждый говорит, участвует в движении языка, и каждое сказанное слово оставляет на нем свежую борозду. Чудесный случай наблюдать развитие языка живописного доставляют нам навески, в частности тифлиские, на наших глазах вырастающие в мощное искусство Пироманашвили.

Нико Пироманашвили был простой и неграмотный живописец вывесок. Он писал на клеенке в три цвета – охрами, зеленой землей и черной костью (со всеми вариациями серого). Его заказчики, тифлиские духанчики, требовали

Нико Пиросманишвили

интересного сюжета, и он шел им навстречу. На одной из его картин я прочел собственноручную подпись: «Шамиль со свево караулом» (с сохранением орфографии). Нельзя не преклониться перед величием его «безграмотных» (не анатомических) львов, великолепных верблюдов с несоразмерными человеческими фигурами и палатками, победивших плоскость силою одного цвета. Если бы французы знали о существовании Пиросманашвили, они бы ездили в Грузию учиться живописи. Впрочем, они скоро узнают, так как по недосмотру вещи его почти все вывезены за границу.

Другое явление современного грузинского искусства, представляющее европейскую ценность, это поэт Важа Пшавела. Он переиздается Наркомпросом, и в молодой

Грузии образуется даже нечто вроде культа Важа Пшавела, но, боже мой, до чего ограничено его непосредственное влияние на молодую грузинскую поэзию!.. Это был настоящий ураган слова, пронесшийся по Грузии, с корнем вырывавший деревья:

*Твои встречи – люди мирные,
Непохожие на воина,
Темнокудрый враг железо ест
И деревья выкорчевывает...*

Образность его поэм, почти средневековых в своем эпическом величии, стихийна. В нем клокочет вещественность, осязаемость, бытийственность. Все, что он говорит, невольно становится образом, но ему мало слова – он его как бы рвет зубами на части, широко пользуясь и без того страстным темпераментом грузинской фонетики...

Литературная жизнь необыкновенно шумна и криклива, множество диспутов, ссор, банкетов, расколов. Не покроет всю эту суету сует львиный рык художника: «Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад. Глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость. Берегите же свое искусство – зарытый в землю узкий глиняный кувшин!»

Батуми. Начало 1920-х гг.

БАТУМ

Дождь, дождь, дождь – это значит: нельзя выйти на улицу. Дождь может идти и завтра и послезавтра: зимний дождь в Батуме – это грандиозный теплый душ на несколько недель. Никто его не боится и, если нужно по делу, всякий батумец пойдет куда угодно даже в такой потоп, когда Ной побоится высунуться из ковчега. Вот спешит «центросоюзник» на службу в свой родной Центросоюз в охотничьих сапогах – последняя кооперативная выдача. Он смело переходит вброд самые опасные места и даже нарочно выбирает там, где поглубже...

Но дождь идет не вечно. Как по

волшебству просыхают чистенькие улицы. Батумский потоп – это царство проточной воды. После дождя город только омылся, освежился. Начинается зимнее гулянье на бульваре. В январе люди сидят на теплом щебне пляжа, близко, у самых волн, только что не купаются. Тут-то начинается праздник для портовых турецких кофеев – это сердцевина всего города: его маленькие клубы и биржи. В кофейне темно и накурено. Ароматный тягучий кофейный пар стоит в воздухе. В глубине золотыми угольками тлеет неугасающе жаровня, и на ней в медных тигельках самим хозяином изготавливается боже-

ственный напиток. Слуга выбился из сил, перенося маленькие кофейные чашечки, сопровождаемые стаканом холодной воды.

Вот заходит газетчик. У него припасены газеты на всех языках. Каждому – свое.

Старый почтенный турак покупает турецкий «Коммунист» и медленно читает вслух другим. Что поймет он, купец и патриарх, в предлагаемом ему новом учении? Он морщит лоб, но не улыбается. Как и весь его народ, он хорошо воспитан и привык уважать чужое мнение.

Самое приятное в торговом Батуме – это именно торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суэта и нехороший хищный дух. Есть один пункт, где торговля Востока не чета европейской – именно: торговля не только аппарат распределения, но социальное явление, и в привычках торгующего Востока чувствуешь уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть.

Наступают сумерки, но Батум не хочет ложиться спать. По Мариинской улице до поздней ночи движется сплошная праздничная лавина; чувствуется, что каждый в этой толпе «сделал дело» и теперь пожинает плоды своей коммерческой тонкости. Ярко освещены лари и подворотни с фруктами и южной зимней утехой – мандаринами. Какие-то предприимчивые чумазые мальчишки, выплясывая лезгинку, бросаются под ноги прохожим, которые в ужасе

откупаются мелкой подачкой. Толпа настолько оживлена, что ее радостный и громкий ропот долетает на четвертый этаж и баюкает ваш кварталы мертвы, как пустыня. Это специальные кварталы лавок у моря. Целые улицы, потухшие, во тьме, с наглухо закрытыми – железными тяжелыми висячими замками-ставнями. Бродят только сторожа с неусыпными трещотками, охраняя спящие миллиарды...

По характеру своего интернационального торгового оживления Батум напоминает колониальный город или европейский квартал где-нибудь в Шанхае. До чего убогим кажется после него Новороссийск со своим прекрасным, гигантски оборудованным портом, со своими элеваторами, которые высоко поднимают на курьих ножках фантастически длинные, похожие на купальни, приемники для зерна. Все это спит и ждет пробуждения. Неприветливо встречает вас ледяной новороссийский норд-ост, но в городе чувствуется какая-то особая серьезность, и он как бы готовится к исполнению огромной предстоящей ему экономической задачи. Но пока что в пустых холодных лавках, где на прилавках демонстративно брошен кусок бязи, героические коммивояжеры, с какими-то воровскими по привычке ухватками, лихорадочно набивают чемоданы батумскими нитками и влекут куда-то подозрительную стопудовую ношу в опасный и темный путь, вечно стремясь к берегам своей Аркадии.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
«Я УБЕЖАЛ К НЕРЕИДАМ НА МОРЕ»	10
«ДАРЬЯЛЬСКИХ ГЛАЗ СТРУИЛСЯ НЕЖНЫЙ СВЕТ»	11
«БЕРЕГ УДИВИТЕЛЬНОЙ НЕЖНОСТИ»	14
«НЕ ТОЛЬКО ДУШЕВНЫЙ ОТДЫХ, НО И РОМАНТИКА»	18
«ПОПЛЫВЕТ ТИФЛИС В ТУМАНЕ»	21
«ПОЕЗДКА, В СВОЕМ РОДЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ»	23
«В САМОЙ ЛУЧШЕЙ ЧАСТИ ТИФЛИСА»	26
«УМЫВАЛСЯ НОЧЬЮ НА ДВОРЕ»	29
«ПИЛИ ТЕЛИАНИ И ЕЛИ КАЙМАК, БРЫНЗУ И ЛАВАШ»	34
«В ОЦИНКОВАННОМ ВЛАЖНОМ БАТУМЕ»	36
«ПРЕДДВЕРЬЕ И СВОЕГО РОДА КАРАНТИН»	39
«СТИХИ ВЕРНУЛИСЬ... В ТИФЛИСЕ»	42
«ЗДОРОВО ЛИ ВИНО? ЗДОРОВЫ ЛИ МЕХА?»	44
ПРИЛОЖЕНИЯ	
КОЕ-ЧТО О ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	46
БАТУМ.....	49

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта -
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«НАД КУРОЮ
В УЩЕЛЬЕ
БАЛКОННОМ»

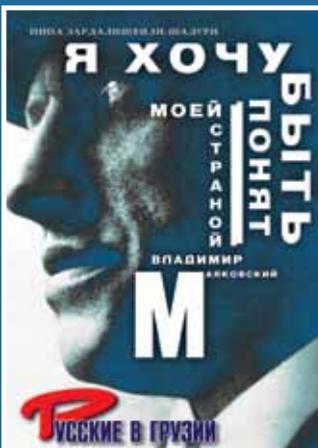
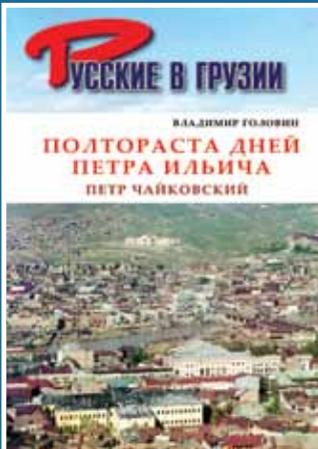
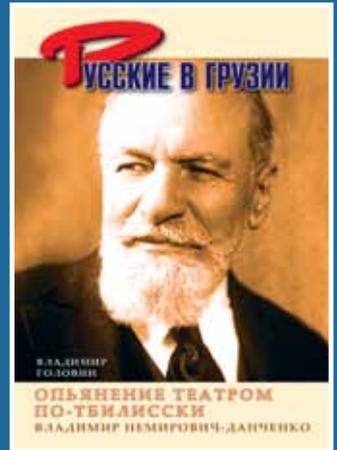
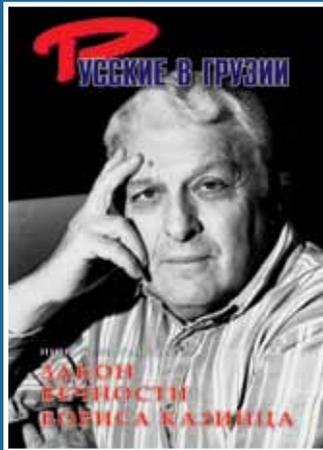
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Владимир Георгиевич Головин – поэт, журналист, член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекресток» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия-Франция).

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза - Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни - литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

